

Лотиан погладил Селинга по затылку, пытаясь успокоить, но эффект был не очень: Селинг едва не плакал. Он оттолкнул Лотиана и попытался встать с постели:

— Я пойду и объясню им всё! Вы не... — Хм.

Лотиан схватил Селинга за руку, резким движением развернул его и, пока тот, натягивая тапочки, стоял у кровати, притянулся и поцеловал его.

Селинг замер, его сердце забилося, как барабан.

Короткий, как прикосновение крыла стрекозы, поцелуй закончился.

Лотиан обхватил Селинга за талию, легко поднял и усадил обратно на кровать, а сам развалился рядом, поджав ноги и опираясь на спинку. Глядя на ошарашенного Селинга, он невольно улыбнулся. Лотиан снял с его запястья терминал и набрал канал Цяо Яня.

— Начинай.

Не ожидая, что заговорит Лотиан, Цяо Янь на мгновение замешкался, но быстро ответил:

— Понял. Что насчет журналистов у больницы? Вы выйдете к ним, или мне применить силу, чтобы их разогнать?

Лотиан бросил взгляд на Селинга, который, поджав колени, сидел на одеяле и тревожно теребил простыню. Он встал, оделся и протянул комплект одежды Селингу:

— Переодевайся, мы уходим. — С этими словами он скрылся в ванной.

Селинг в какой-то прострации натянул мягкий хлопковый спортивный костюм — он пришелся точно в пору.

Кровь, выступившая на тыльной стороне ладони после капельницы, уже засохла. Лотиан и Селинг по очереди привели себя в порядок. Черный плащ лежал на руке маршала; когда Селинг вышел из ванной, плащ распахнулся, словно черная океанская волна, полностью укутав его. Лотиан наклонился и подхватил его на руки:

— Прижмись ко мне.

Селинг спрятал лицо в широкой груди Лотиана, вдыхая тот же прохладный и чистый аромат, что исходил от его одежды. Как только двери палаты открылись, их ослепили вспышки камер.

Грэм стоял в своем кабинете, не глядя на то, что происходит снаружи. Раз уж маршал решил использовать этот прием, чтобы заманить прессу, что он мог поделаться?

Взглянув на экран терминала, он увидел Цяо Яня, который улыбался и сдерживал натиск обезумевших репортеров, преграждая им путь к выходу из больницы. Грэм отвел глаза, глубоко вздохнув, чтобы подавить глухую боль в груди.

Над больницей кружили дроны, сотни черных объективов были направлены на Лотиана, отовсюду доносились выкрики.

Цяо Янь поддерживал порядок, прикрывая маршала солдатами:

— Маршал ответит только на три вопроса. Господин Селинг еще слаб и не может долго находиться на улице, надеюсь на ваше понимание.

Журналистка прорвалась вперед:

— Я из центральных СМИ, позвольте мне спросить первой!

— Говорите.

— Правда ли, что на недавней конференции ООН маршал Хаммер покинул зал в момент важнейшего голосования?!

Лотиан кивнул:

— Да.

Как только он произнес это, толпа взорвалась гулом. Резкие слова проникали в уши Селинга, он напрягся и крепче вцепился в плащ.

— Вы ушли из-за своего супруга? Как, по-вашему, такой поступок повлияет на положение Святого Ланса в ООН?

Лотиан обвел толпу спокойным взглядом, и люди невольно умолкли под его давлением. Он прижал Селинга к себе, защищая, словно драгоценный камень:

— Да, он для меня очень важен. — Он склонил голову, глядя на виднеющуюся в складках плаща прядь волос. — Значимость Святого Ланса в ООН очевидна всем. Мир в секторе Лиры поддерживается всеми звездными системами вместе, это не то, что могут решать лишь несколько стран. Святой Ланс равен другим государствам в своих правах и никогда не стремился к господству. А раз мы равны, то о каком нарушении положения может идти речь?

Гул перерос в истеричные вопли. Лотиан посмотрел на Цяо Яня, и тот объявил:

— Достаточно. На остальные вопросы отвечу я. Господин Селинг плохо себя чувствует, просьба разойтись.

— Простите, позвольте задать еще один! — закричал кто-то, когда Лотиан уже садился в летательный аппарат. — Я узнал, что ваш супруг находится в отделении репродукции. Скажите, вы так нервничаете, потому что он беременен?!

Цяо Янь хотел пресечь это, но Лотиан замер. Камеры тут же приковались к нему. Маршал чуть заметно улыбнулся:

— Нет, но это действительно связано с ним. Если бы это было так, я бы не стал скрывать

радостную новость. Лотиан предан своей стране, добросовестно выполняет долг перед союзными войсками и чист перед своим народом, а значит, ему нечего бояться пустых слухов!

Холодный, твердый голос Лотиана разнесся через тысячи микрофонов и был мгновенно транслирован на все терминалы граждан, следящих за ситуацией.

На летательном аппарате ветерок шевелил край плаща Лотиана — такой же непоколебимый, строгий и уверенный в себе, как всегда, когда он появлялся на публике. Человек, укрытый в его плаще, так и не показался, но всем стало ясно, как бережно Лотиан к нему относится.

Возле больницы воцарилась тишина, а следом стихийно раздались восторженные возгласы. Людям нужен был столп опоры, нужно было доказать, что их вера оправдана. Им нужны были объяснения и успокоение. Маршал Хаммер, как и всегда в их памяти, не подвел их!

*

На борту аппарата Селинг, кутаясь в плед, смотрел на толпу репортеров внизу:

— Господин, этого достаточно? Не нужно делать что-то еще?

Лотиан одной рукой управлял терминалом, а другой протянул Селингу молоко:

— Нет.

— Но люди еще не разошлись, все узнали об этом случае. Император не будет вас винить?

— Нет.

— Господин! — Селинг встревожился из-за безразличия Лотиана. — Репутация — это важно. Если вы не объясните все до конца, они подумают, что вы...

Не договорив, Селинг получил в рот кусок жесткого хлеба. Он откусил, проглотил и собирался продолжить, но увидел, что Лотиан, приподняв бровь, смотрит на него с насмешливой искоркой в глазах. Селинг тут же забыл, что хотел сказать.

Лотиан закрыл терминал. Селинг понуро опустил голову, едва тронув хлеб, совсем не похожий на человека с обычным для него отменным аппетитом.

Лотиан посмотрел на приунывшего малыша и сказал:

— Давай расскажу анекдот?

Селинг удивленно поднял голову:

—?

Лотиан откашлялся, сохраняя серьезное выражение лица, без малейшего намека на то, что сейчас последует шутка:

— Группа ученых отправилась на ледяную планету и встретила пингвинов. Понаблюдав за их жизнью, ученые решили провести опрос. Первый пингвин сказал: Я ем, сплю и бью бобы. Ученые удивились и спросили второго — то же самое. И третьего — опять то же самое. Дошло дело до последнего, угадаешь, что он сказал?

Селинг подумал немного, восторженно воскликнул:

— Он сказал: Я и есть боб!

Лотиан покачал головой, отломил кусок хлеба у Селинга и задумчиво съел:

— Нет. Он сказал: Я — сплю.

— Пфф... — Селинг захохотал. — Ха-ха-ха, ты — сплю!

Селинг трясся от смеха. Понимает ли «господин», что значит этот анекдот? Все пингины спят, это ли хорошо?

Лицо Лотиана потемнело. Цяо Янь уверял его, что это отличная шутка. Лотиан сжал губы — что за идиотизм!

Насмеявшись, Селинг попытался сдержаться и сказал:

— Господин, больше не рассказывайте этот анекдот остальным.

Это подпортит ваш имидж, правда, пфф-ха-ха.

Лотиан почернел окончательно. Увидев, что Селинг перестал смеяться и явно забыл обо всем остальном, он принял чопорный вид, будто ничего не произошло.

— Хочешь пойти учиться?

26. □Глава 026. Иди учиться!□

— Хочешь пойти учиться? — переспросил Лотиан.

Селинг широко распахнул глаза, его зрачки дрогнули.

Лотиан сцепил красивые руки в замок и пододвинул Селинга к себе:

— Военное министерство будет очень занято.

Селинг расстроился — значит, господин снова будет редко возвращаться?

Лотиан помог ему поправить плащ:

— Я постараюсь, но хочу, чтобы ты рассмотрел мое предложение.

В тот день, когда он на предельной скорости неся обратно с Аквамарина, он все равно получил сообщение от Цяо Яня, что люди того уже отправили Селинга в госпиталь.

По прибытии он увидел супруга — истощенного, слабого, одиноко лежащего без сознания. В тот миг Лотиан впервые задался вопросом: а не ошибся ли он?

Он запер Селинга на острове Стар, дал ему все необходимое, но тем самым незримо ограничил его, сделав так, что тот никого не видит, кроме ожидающего возвращения хозяина.

Цяо Янь сказал тогда: он очень одинок.

Если это было лишь взаимное использование — Селинг дает ему нужное, а он оберегает его и кормит — то теперь все иначе. Лотиан не знал, что именно изменилось. Возможно, дело было в том, кто в итоге с ним связал жизнь — это был Селинг, уже не тот человек.

Лотиан никогда не относился к браку как к шутке. Когда он решил просить руки Холла Шустера, он был искренен, несмотря на то, что говорили другие — якобы он бесчувственный и лишь использовал его.

Он ценил людей свободных и легких на подъем, тех, кто занимался тем, что любил, не зная оков. Но та искра угасла вместе с побегом Холла!

Лотиан подозревал, что семья Шустер связана с Небесными нетопырями. Иначе как объяснить, что во время той пятидесятилетней войны союзные войска раз за разом отступали? В самом страшном бою в пустыне на малом планете союзные войска попали в засаду и почти все были уничтожены. Только Лотиан со штурмовым отрядом прорвался, а его дядя, прикрывавший отступление, был перерублен клешнями нетопыря надвое! Он погиб без останки!

Лотиан помнил это до сих пор — он тогда только поступил на службу, в подчинение к дяде. Помнил горячую кровь на лице и крик дяди, приказывающего бежать!

Помнил, как отец рыдал над фото дяди, говоря: старый Хаммер твердил, что тот погиб, спасая тебя, Лотиан, ты не должен забывать эту кровную вражду!

Лотиан хотел доказать, что нетопыри связаны с Шустерами. Что именно Шустеры сливали информацию, приводя войска к разгрому. Он видел тот размытый кадр с видео, где корабль со знаком рода Шустер прыгает в пространстве прямо к базе нетопырей!

Когда та запись сгорела в огне внезапной атаки, Лотиан лишь утвердился в своих подозрениях.

Слишком много совпадений, не так ли? Именно тогда, когда он собирался передать видео императору, оно было уничтожено!

Лотиан не скрывал своих подозрений от других. Война длилась семьдесят лет, человечество сопротивлялось пятьдесят. Он служил семнадцать лет, дядя погиб пятнадцать лет назад. Он не забыл ни одного павшего бойца.

Дым войны только рассеялся. Как долго продлится этот мир? Он слишком хорошо знал нетопырей — пока существуют черные дыры, вторжение не прекратится. Он должен был избавиться от Шустеров, доказать, что они — крысы в его доме!

Лотиан приблизил Холла, от симпатии пришел к идее брака, но не ожидал, что этот человек при первой же трудности просто сбежит. Его глупость заключалась в том, что он верил, будто Холл ради мира во Вселенной пойдет против собственного отца.

Он не хотел использовать Холла, он просто хотел рассказать правду, чтобы тот принял то, что Лотиан сделает с семьей Шустер.

Поэтому симпатия обратилась в прах, оставив лишь жажду добыть генетический материал Шустеров, чтобы доказать их связь с врагом. К счастью, он нашел Селинга.

Лотиан смотрел на паренька. Единокровный брат Холла, имеющий ту же кровь и гены.

Если чувства к Холлу прошли путь от искренности до чистого использования, то с Селингом все шло иначе. Он хотел быть к нему добрым, видя его страдания на той койке, он испытывал лишь вину.

Возможно, если Холл дал ему лишь мысль о свадьбе, то Селинг подарил ощущение настоящего брака.

Лотиан хотел бы иметь супруга, далекого от большой политики, от военных дел и интересов союзов. Чистого, верящего только в него. Ему не нужно богатство, не нужны интриги, достаточно, чтобы по вечерам дома ждал человек, из-за которого вся усталость улетучивается.

Лотиан потянулся, взъерошил волосы паренька. Селинг уставился на него с растерянным видом.

— Хочешь учиться?

— Хочу, — кивнул Селинг, замаявшись. — Но я никогда не учился, мне страшно... Как я буду общаться с однокурсниками? Я ничего не умею.

— Господин, Шустер больше не будет к вам приставать? Если я покину остров, не создам ли я вам проблем?

— Нет, — ответил Лотиан.

Он открыл терминал и показал фото и описание школы:

— Военная академия обороны Сэнт-Эрси. Хочешь туда?

Глаза Селинга округлились еще больше. Это лучший университет империи Святого Ланса! Его выпускники, ученые и офицеры, занимали высшие посты. Самым ярким примером был сидящий рядом Лотиан Хаммер!

Сэнт-Эрси — имя генерала-основателя академии. Она была воплощением чести и верности. Ранее она набирала лишь пять тысяч студентов.

Академия включала математику, механику меха-пилотирования, историю, дизайн, социальные науки и, конечно, самую сложную дисциплину — государственную безопасность. Бывали годы, когда на этом курсе никто не мог набрать проходной балл.

Селинг читал историю академии и сглатывал слюну. Сидящий рядом мужчину казался еще более внушительным в свете этих знаний.

Они вышли из аппарата. Селинг уцепился за край его одежды:

— Господин, я не сдам экзамены.

— Тебе их и не нужно сдавать, — ответил Лотиан, входя в дом.

Селинг, повязывая фартук, отправился на кухню. Сейчас было не до учебы — завтрак сам себя не приготовит.

Внутри дома Лотиан вывел на экран систему мониторинга острова. Он приблизил запись с камер там, где раньше маячили тени, но сейчас там было чисто.

Он переслал запись Цяо Яню:

— Аналитический отчет через полчаса.

— Принято, — пришел быстрый ответ.

Лотиан смотрел на размытый образ на экране, в его холодных глазах впервые мелькнуло замешательство. Только когда Селинг вошел в комнату с тарелкой, он быстро подавил в себе эти эмоции и притянул того к себе:

— Господин?

<http://bllate.org/book/19846/1953790>